

ралом. Оно выплеснулось вместе с ожесточением, мизантропией, обидами, которые нанесли ему за годы молчания. Все темное и пошлое, что вбивала ему в голову «Пчела», жизнь в Петербурге, обитание на чердаках¹⁰, откинулось прочь этим мощным порывом глубоко человеческого, собственно и повергшим его в «безумие».

Вот почему такое значение приобретает финальный образ «Записок» — образ струны в тумане, которую слышит Поприщин и на которую откликается его душа. Это не просто метафора, это полная значения мысль Гоголя, итоговая мысль его повести. Как известно, повесть эта первоначально называлась «Записки сумасшедшего музыканта». (В тексте их, являющемся каноническим, остался рудимент этого замысла. Стоя перед домом, в котором живет Фидель, Поприщин говорит: я знаю этот дом, в нем живет один мой знакомый, он играет на трубе.) Как известно, она опубликована в сборнике «Арабески», где помещена статья «Скульптура, живопись, и музыка». И что, наконец, сам этот сборник посвящен по существу искусству, так как и многие статьи его затрагивают эту тему (в частности, «Несколько слов о Пушкине», «Об архитектуре нынешнего времени», «О малороссийских песнях») и героями двух его художественных произведений — «Невского проспекта» и «Портрета» — являются художники. Повесть о Поприщине была задумана, вероятно, как повесть о непризнанном гении музыки и была в этом смысле откликом на гофмановские сочинения о безумных музыкантах и на их продолжение на русской почве — на повести В. Ф. Одоевского («Последний квартет Бетговена» и др.).

Но гоголевский непризнанный музыкант стал непризнанным гением любви, гением жажды любви, которая тоже оказалась непонятой и была признана сумасшествием. Оригинальность и величие гоголевского решения этой темы в том, что он гофмановских гениальных безумцев, которые далеко отстоят от толпы и творят в стороне от нее, скрестил с гофмановскими же надворными советниками, которые у немецкого романтика являются представителями пошлой среды, не понимающей гения. У Гоголя титулярный советник становится «гением». Он возвышается до смутного сознания своего высшего назначения, ибо слышит «струну в тумане».

«О, будь же нашим хранителем, спасителем, музыка! — писал Гоголь в статье „Скульптура, живопись и музыка“. — Не оставляй нас! буди чаще наши меркантильные души! ударяй резче своими звуками по дремлющим нашим чувствам! Волнуй, разрывай их и гони, хотя на мгновение, этот холодно-ужасный эгоизм, сияющий овладеть нашим миром! Пусть при могущественном ударе смычка твоего смятенная душа грабителя почувствует, хотя на миг, угрызение совести, спекулятор растеряет свои расчеты, бесстыдство и наглость невольно выронит слезу пред созданием таланта».

Музыка, звучащая в финале «Записок», разрывающая холодный эгоизм одинокой души и обращающая ее «к Нему», как писал Гоголь в той же статье, есть последний удар по меркантилизму и позитивизму булгаринской идеологии, по тем принципам ее, от которых отталкивался автор Поприщина.

Гоголь как бы сыграл комедию и с «испанскими делами» и с булгаринским идеалом. Он вынес действие повести, ее внутренний сюжет за пределы их реальной компетенции и поставил своего героя над прессой, над временем, над той средой, которая его породила, оставив его, вместе с тем, реальным титулярным советником, реально жившим в России в 1833 г.

¹⁰ Так Гоголь часто называл четвертый этаж, где обитает Поприщин и где он жил сам.